

DOI: 10.31857/S013038640021232-3

© 2022 г. А.Ю. ВАТЛИН

**БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ  
ФРОНТЕ: ОТНОШЕНИЯ НАРКОМА Г.В. ЧИЧЕРИНА И ПОЛПРЕДА  
А.А. ИОФФЕ в 1918 году**

*Ватлин Александр Юрьевич — доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).*

*E-mail: vatlin\_alex@mail.ru*

*Scopus Author ID: 56209861500; Researcher ID: W-2922-2017*

*Аннотация.* После прихода к власти в 1917 г. большевики начали выстраивание собственной системы принятия внешнеполитических решений, отвергнув в Декрете о мире традиции и нормы буржуазной дипломатии, а также отказавшись от использования кадрового потенциала российского МИД. Впервые опробовали новую систему, построенную на принципах революционного марксизма, во время брестских переговоров, завершившихся поражением Советской России. Подписание 3 марта 1918 г. Брестского договора открыло перспективу перехода от войны к миру в отношениях РСФСР и Германии, выражением чего стал обмен дипломатическими представительствами. Советское полпредство в Германии, которое возглавил А.А. Иоффе, стало для правительства большевиков фактически единственным «окном в Европу».

Ввиду отсутствия отлаженного внешнеполитического механизма, а также крайне неустойчивой связи между Москвой и Берлином деятельность полпреда, который не являлся профессиональным дипломатом, определялась его дореволюционным политическим опытом и личными качествами. Отвергая «старорежимную» иерархию и не скрывая своих амбиций, А.А. Иоффе вступил в перманентный конфликт со своим непосредственным начальником — наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным, продолжавшийся вплоть до высылки советского полпредства из Берлина в ноябре 1918 г.

В статье на основе служебной переписки наркома и полпреда реконструирована подготовка ключевых решений в сфере советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны, показана роль человеческого фактора в этом процессе, механизм урегулирования ведомственных и личных конфликтов, залогом которого выступал авторитет В.И. Ленина. Автор приходит к выводу, что процесс становления советской внешней политики в 1918 г. шел чрезвычайно быстро, в целом соответствуя темпу событий, и продвигался вперед, преодолевая ошибки. Заложенные в первый год работы Наркоминдела традиции и нормы оказывали немалое влияние на последующую историю советской дипломатии.

*Ключевые слова:* Первая мировая война, советско-германские отношения, Брестский мир, большевики, Германия, РСФСР, внешняя политика, Наркоминдел, Г.В. Чичерин, А.А. Иоффе, гражданская война, интервенция.

**A.Yu. Vatlin****Bolshevik Intellectuals on the Foreign Policy Front: The Relationship Between Commissar for Foreign Affairs Georgy Chicherin and Plenipotentiary Representative Adolf Joffe in 1918***Alexander Vatlin, Moscow State Lomonosov University (Moscow, Russia).**E-mail: vatlin\_alex@mail.ru**Scopus Author ID: 56209861500; Researcher ID: W-2922-2017*

*Abstract.* After coming to power in 1917, the Bolsheviks began to form their own system of foreign policy decision-making, rejecting the traditions and standards of bourgeois diplomacy in the Decree on Peace, and refusing to use the personnel of the Russian Ministry of Foreign Affairs. The first trial of the new system, built on the principles of revolutionary Marxism, took place during the Brest negotiations and ended in defeat for Soviet Russia. The signing of the Treaty of Brest-Litovsk on 3 March 1918 paved the way for the transition from war to peace between the two countries and, consequently, for the exchange of diplomatic representatives. The Soviet legation in Germany, headed by Joffe, was in fact the only 'window to Europe' for the Bolsheviks.

Because of the lack of a fine-tuned foreign policy decision-making mechanism and the highly unstable communication between Moscow and Berlin, and because Joffe was not a professional diplomat, the activities of his plenipotentiary representation were determined by his pre-revolutionary political experience and personal qualities. Rejecting the hierarchy of the old regime and making no secret of his own ambitions, Joffe came into continuous conflict with his immediate superior, the People's Commissar for Foreign Affairs, Chicherin, and this conflict continued until the Soviet plenipotentiary representative was expelled from Berlin in 1918.

The author reconstructs the formation of key decisions in the sphere of Soviet-German relations at the end of the Great War on the basis of official correspondence between the People's Commissar and the Plenipotentiary, shows the role of human factor in the process and the mechanism of departmental and personal conflicts resolution, the core of which was the authority of Lenin. The author concludes that the process of shaping the Soviet foreign policy in 1918 was extremely rapid, generally in line with the pace of events, and developed by trial and error. The traditions and norms laid down in the first year of the work of the People's Commissariat largely influenced the subsequent history of Soviet diplomacy.

*Keywords:* World War I, Soviet-German relations, the Brest treaty, bolsheviks, Germany, Russian federation, foreign policy, Commissariat for Foreign Affairs, Georgy Chicherin, Adolf Joffe, civil war, intervention.

Придя к власти в ноябре 1917 г. и провозгласив безусловный «слом государственного аппарата» Российской империи, большевики не отдавали себе отчета в том, насколько сложной является эта задача. Среди партийных активистов было некоторое количество выходцев из интеллектуальной элиты российского общества, имевших дореволюционный опыт работы в бизнесе, образовании и даже в легальной политике. Помимо них новая власть могла бы рекрутировать кадры из «спецов», т.е. людей, работавших в старых государственных структурах, многие из которых отдавали себе отчет и в исчерпанности царского режима, и в нежизнеспособности «временной» демократии. Главная проблема заключалась в другом — у большевиков не было готовой схемы и понимания принципов функционирования «государства диктатуры пролетариата». Речь шла не просто о том, чтобы овладеть колоссальной машиной государственного управления, но и радикально перекроить ее, причем сделать это буквально на ходу, подгоняя новые структуры не столько под краеугольные положения марксистской доктрины, сколько под оперативные потребности новой власти.

Хуже всего дело обстояло в тех ведомствах, где от государственных деятелей и чиновников средней руки требовались специальные знания и многолетний практический опыт, которые формировались и отрабатывались в течение поколений. Одной из таких

закрытых каст была дипломатическая элита, в которой традиционно доминировали выходцы из аристократических семей и иностранцы, в том числе немцы, рекрутированные напрямую из-за рубежа, или выходцы из остзейских провинций<sup>1</sup>. Естественно, и тем и другим вход в советскую внешнюю политику был категорически запрещен.

Л.Д. Троцкий, которому сразу после прихода к власти большевиков поручили отвечать за внешнюю политику государства, воспринимал это как продолжение партийной работы «иными средствами». Ее стратегической целью было продвижение вперед мировой пролетарской революции, для чего на первых порах требовалось превратить империалистическую войну в гражданскую. Первый нарком иностранных дел, не брезгуя тайными контактами с военными миссиями Антанты, сделал ставку на пропаганду и агитацию, завоевание массовых симпатий в зарубежных странах и формирование в них коммунистических партий, которые и возглавят рабочие массы.

Перемирие, заключенное на советско-германском фронте в декабре 1917 г., сопровождалось «братаниями», в ходе которых немецким солдатам раздавались большевистские газеты и листовки. Прибыв в Брест на переговоры с представителями Центральных держав, Троцкий в конечном счете отказался идти на заключение мирного договора, считая его кабальным, и покинул зал заседаний, следуя выдвинутой им формуле: «ни мира, ни войны».

Ленину с огромным трудом удалось добиться подписания «похабного мира», отдавшего под германскую оккупацию значительную часть европейской России. После этого он уже никогда не доверял кому бы то ни было выработки стратегического курса внешней политики страны. Однако взять на себя функции оперативного контроля за его практической реализацией вождь партии большевиков, в марте 1918 г. принявший название Российской коммунистической (РКП(б)), не мог, даже если бы захотел. И здесь вставал «проклятый вопрос» о кадрах, точнее об их отсутствии. Если в сфере экономики еще можно было рассчитывать на инициативу трудящихся масс, то внешняя политика, как продемонстрировали переговоры в Бресте, не могла делаться «дипломатами в лаптях»<sup>2</sup>.

Еще до начала брестских переговоров Ленин сделал выбор в пользу двух личностей, которые и станут главными героями нашей статьи, — это Г.В. Чичерин и А.А. Иоффе. Первый после ухода Троцкого в военную сферу стал исполняющим обязанности наркома (с июня 1918 г. — наркомом) иностранных дел РСФСР, второй — советским дипломатическим представителем в Берлине (обмен посольствами был согласован в Брестском мирном договоре). Их взаимоотношения во время кратковременного пребывания Иоффе на этом посту (конец апреля — начало ноября 1918 г.) стали важным фактором становления механизмов, принципов и даже стилевых особенностей внешней политики нового государства. В статье на основе сохранившейся между ними переписки будет предпринята попытка показать, в какой степени эти отношения определялись личными качествами наших героев, их индивидуальным подходом к воплощению в жизнь того «общего дела», служение которому определяло их политическую биографию.

Ни Чичерин, ни Иоффе не были ближайшими соратниками Ленина и лишь весьма условно могли быть причислены к сонму «героев-подпольщиков» большевистской партии. Их объединяло то, что оба были выходцами из преуспевающих слоев общества, получили прекрасное общее и высшее образование, свободно владели иностранными языками (Иоффе учился в Берлине и Вене) и были знакомы со светскими манерами.

Оба значительную часть своей взрослой жизни провели в эмиграции. Чичерин вернулся из-за границы в январе 1918 г. и сразу же был направлен на работу в Наркоминдел, поскольку ранее служил по линии внешнеполитического ведомства. Иоффе к началу Первой мировой войны находился в ссылке, где и встретил Февральскую революцию, а

<sup>1</sup> См.: *Иванова Н.И.* Немцы на дипломатической службе в Российской империи. М., 2021.

<sup>2</sup> Генерал Макс Гофман, который являлся фактическим главой делегации Центральных держав на переговорах, издевательски говорил о «дипломатах в лаптях», прибывших из Москвы (*Гофман М.* Война упущенных возможностей. СПб., 2016. С. 216).

вскоре, прибыв в Петроград, вместе с Троцким примкнул к большевикам. В биографическом очерке, написанном в последние годы своей жизни, последний отметил нервную неуравновешенность своего верного соратника, которая граничила с психическим заболеванием: «Политическое формирование Иоффе происходило на моих глазах и при моем участии. В Вене он проживал после первой революции в качестве студента медицины и еще больше в качестве пациента. Его нервная система была отягощена тяжелой наследственностью. Несмотря на чрезвычайно внушительную внешность, слишком внушительную для молодого возраста, чрезвычайное спокойствие тона, терпеливую мягкость в разговоре и исключительную вежливость — черты внутренней уравновешенности, Иоффе был на самом деле невротиком с молодых лет... На собраниях русской колонии Иоффе никогда не выступал. Даже необходимость объясняться с отдельными лицами, в частности разговаривать по телефону, его нервировала, пугала и утомляла. Я тогда совсем не думал, что он станет хорошим оратором и особенно дипломатом с мировым именем»<sup>3</sup>.

В ходе брестских переговоров Иоффе показал себя достойным оппонентом представителей Германии и ее союзников, ершистым и неуступчивым в деталях, но в целом подержавшим линию Троцкого, которая вела дело к срыву переговорного процесса в расчете на то, что «немец наступать не будет».

Казалось бы, трудно было найти менее подходящую кандидатуру на пост полпреда Советской России в Германии<sup>4</sup>, чем Адольф Иоффе — недавний меньшевик, интеллигент с дипломом врача, сибарит и германофил. Главным аргументом в его пользу было то, что других кандидатур у Ленина просто не было, за исключением, пожалуй, Карла Радека, ведавшего в тот момент пропагандой среди германских войск на линии фронта. Кандидатура человека, который нарушал все правила дипломатического этикета во время переговоров в Бресте, была бы воспринята германской стороной как провокация, хотя сам Радек не скрывал своих амбиций стать советским полпредом в Берлине<sup>5</sup>. Бухарин вспоминал позже, что Ленин «очень не любил Радека и говорил, что Радек своим языком выносит все на улицу»<sup>6</sup>, — качество, совершенно неприемлемое для кадрового дипломата.

Получив новое назначение, Иоффе лихорадочно принялся подбирать персонал будущего полпредства в Берлине — у него было всего две недели. В этих условиях было бесполезно проводить осмысленный отбор кандидатов на дипломатическую службу, тем более что и у самого Иоффе не было сколько-нибудь четкого понимания сути своей будущей деятельности. В условиях цейтнота он мог проверить только знание немецкого языка, а потому пользовался рекомендациями Г.Е. Зиновьева и К.Б. Радека (последний представил ему Марию Гиршфельд, которая в Берлине станет личным секретарем, а затем второй женой полпреда). Отстаивая кандидатуры своих будущих сотрудников из «бывших», Иоффе ссылаясь на то, что получил на это специальное разрешение<sup>7</sup>. Осторожный Чичерин, который в конечном счете отвечал за благонадежность персонала полпредства, предпочел подстраховаться, обратившись напрямую к Ленину: «Иоффе у прямого проводника спрашивает, согласен ли Кремль на то, чтобы он взял в Берлин генеральным консулом старого сановника, лицо с именем в промышленных кругах, делопроизводителя Керенского, вообще “пригодное для этой должности лицо”». Ленин предпочел уклониться от

<sup>3</sup> Троцкий Л.Д. Портреты революционеров. М., 1991. С. 327.

<sup>4</sup> Чтобы лишний раз продемонстрировать отрицание традиций и норм буржуазной дипломатии, советское правительство решило отказаться от титула «посла», заменив его «полномочным представителем», т.е. полпредом.

<sup>5</sup> *Gutjahr W.-D.* Revolution muss sein: Karl Radek — die Biographie. Köln; Weimar; Wien, 2012. S. 287.

<sup>6</sup> Протокол заседания Президиума Исполкома Коминтерна от 23 июля 1927 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 2. Д. 79. Л. 178.

<sup>7</sup> См.: Томас Л.Я. Жизнь Г.В. Чичерина. М., 2010. С. 93.

прямого ответа, начертав на чичеринской записке туманную резолюцию: «Гм...гм... Кота в мЭшке покупает. Пусть берет на себя ответственность»<sup>8</sup>.

Так или иначе, несколько десятков дипломатов, технических сотрудников и членов их семей уже 18 апреля 1918 г. отправились специальным поездом к демаркационной линии и через трое суток оказались в Берлине. По приезде в столицу Германской империи полпреду Иоффе приходилось самостоятельно решать огромный круг проблем, не имея ни опыта дипломатической службы, ни добросовестных и опытных сотрудников вокруг себя. Он жаловался Зиновьеву: «Я буквально завален работой и абсолютно не в состоянии писать несколько докладов, а помощи нет, ибо публика почти вся никчемная»<sup>9</sup>. Георгий Соломон, ставший в июле первым секретарем полпредства, так описывал его работу: «В посольстве, благодаря набранному с бора да с сосенки штату, царит крайняя запущенность в делопроизводстве, в отчетности, в хозяйстве, и мне предстоит много кропотливой работы, так как хотя служащие и неопытны, но самомнение у них громадное и амбиции — хоть отбавляй, равным образом хромают и дипломатическая часть». Сам Соломон по прибытии на место работы нашел положение дел просто удручающим: «Всюду царил анархия, которая все резче и резче выступала на вид по мере того, как я входил в дела... массы служащих, которые бестолково, не зная дела, суетятся и что-то работают, что-то путают, к ним в помощь для распутывания назначаются другие, которые тоже путают, и так до бесконечности»<sup>10</sup>.

На бюрократическую неразбериху внутри полпредства накладывалось почти полное отсутствие надежной связи с Россией: телеграммы в Наркоминдел приходилось отправлять с берлинского главпочтамта, а радиограммы — через военно-морскую радиостанцию в Науэне. Значительная часть этой корреспонденции перехватывалась и попадала на стол чиновникам германского МИД<sup>11</sup>. Политические донесения с секретной информацией везли в Москву курьеры, находившиеся в пути два-три дня, а иногда возвращавшиеся с родины навеселе, что побуждало полпреда к жестким директивам отнюдь не дипломатического толка: «Так как присланный Вами курьер был пьян как стелька и вчера выехать не мог, то сегодня препровождаю его арестованным в Ваше распоряжение и пользуюсь случаем, чтобы кое-что добавить к вчерашнему докладу»<sup>12</sup>.

Вопреки всем претensions Иоффе с завидной педантичностью отправлял в Москву обширные политические донесения, затрагивая в них широкий круг проблем, выходящих за рамки его прямых служебных обязанностей. Многие из них заканчивались фразой: «вынужден закончить, иначе курьер опоздает на поезд». Внутренние трудности в работе полпредства многократно усугублялись внешними обстоятельствами, с которыми каждый день сталкивались советские дипломаты: «Ощущение непрочности владело всеми в посольстве. Ежедневно циркулировали всевозможные, неведомо кем распространяемые слухи, часто слышалось выражение “придется собирать чемоданы” и пр. Все себя чувствовали точно на какой-то станции, многие даже продолжали хранить свои вещи в чемоданах»<sup>13</sup>.

Общественное мнение Германии считало представительство РСФСР «прибежищем красных» и «рассадником терроризма», военные власти — центром шпионажа,

<sup>8</sup> РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24316. Л. 1. Вероятно, речь идет о Ю.А. Воронове, который являлся кадровым дипломатом, занял пост заместителя генерального консула и стал одним из первых «невозвращенцев», отказавшись в ноябре 1918 г. под благовидным предлогом присоединиться к персоналу полпредства, который был выслан из Германии (Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее — РАА). RZ/201/1726).

<sup>9</sup> Письмо Зиновьеву от 3 мая 1918 г. // РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 539. Л. 140.

<sup>10</sup> Соломон Г.А. Среди красных вождей. Лично увиденное и пережитое на советской службе. М., 2015. С. 40–41.

<sup>11</sup> Копии перехваченных телеграмм составляют более десятка объемистых дел архива МИД Германии: РАА. RZ/201/1727–1730, 2000–2006, 22290, 20643–20647.

<sup>12</sup> Политический доклад в НКВД № 17, июль 1918 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 991. Л. 55.

<sup>13</sup> Соломон Г.А. Указ. соч. С. 42.

а чиновники МИД — случайным собранием временщиков и самозванцев, которые вот-вот будут смещены с незаконно занятых постов. Однако главным было то, что межгосударственные отношения и после подписания Брестского договора находились в состоянии «ни мира, ни войны». Вплоть до лета германские войска продвигались в глубь территории бывшей Российской империи, захватив Крым, перейдя Дон и подобравшись к Северному Кавказу.

В этих чрезвычайных условиях Иоффе был вынужден отказаться от жесткого следования вертикали ведомственного подчинения, которая замыкалась на Чичерина. Его политические доклады были адресованы всем руководителям РКП(б). Кроме того, в архивах сохранилось несколько писем Ленину, полпред называл их «личными» и содержащими информацию, предназначенную исключительно для вождя: «Моя нелегальная работа Комиссариата иностранных дел не касается, и в ней я даю отчет лично Вам, чтобы не делать этого в ЦК»<sup>14</sup>. Речь шла прежде всего о финансовой и политической поддержке левых социалистов Германии, но не только. Иоффе информировал Ленина о судьбе интернированных российских социалистов, о своем видении архитектуры послевоенного мира и почти постоянно выступал с резкой критикой своего непосредственного начальника — наркома иностранных дел.

Наряду с политическими докладами, Иоффе начал нумеровать свою переписку с Чичериным, однако бросил делать это уже после четвертого письма<sup>15</sup>. Этому есть несколько причин. Во-первых, поддерживать параллельный канал связи Иоффе было просто не под силу, он едва успевал подготовить к отъезду курьера один политический документ. Во-вторых, появление в полпредстве в июне телеграфной связи («аппарата Юза») выдвинуло на первый план обмен «записками по прямому проводу», который позволял в режиме реального времени обсуждать те или иные вопросы. Но даже в этом случае личное начало прорывалось сквозь служебные вопросы буквально в каждой телеграмме.

В своих первых посланиях Чичерину Иоффе сухо излагал только оперативную и техническую информацию, в их тоне чувствовались его собственные амбиции занять наркомовский пост<sup>16</sup>. Так, в одном из первых писем по прибытии в Берлин полпред устроил наркому форменный выговор, потребовав, чтобы тот прекратил бюрократическую неразбериху в своем ведомстве и по существу отвечал на его запросы. Речь шла прежде всего о присылке из Москвы делегации для того, чтобы начать работу двусторонней политической комиссии по имплементации Брестского мирного договора. Чичерин настаивал, что комиссия должна собраться в Москве, и всячески затягивал подбор членов советской делегации. Иоффе понимал, что это было явно неприемлемым требованием со стороны фактически проигравшей стороны, и максимально торопил, не останавливаясь даже перед угрозой отставки: «Я Вам уже телеграфировал, что, если к 25[мая] Ваших не будет, я сам здесь назначу комиссию, и хоть бы Вы мне 10 раз писали, что мои переговоры будут играть “подсобную” роль, я буду решать все по-своему. Пусть меня отзывают, но иначе я работать не могу. Я тут дело делаю, а не в бирюльки играю и работаю почти все сутки сплошь, а Вы действительно какую-то “мельницу” у себя устроили и засыпаете меня

<sup>14</sup> Письмо Ленину от 10 июля 1918 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 27–28. Иоффе подчеркивал, что об этой работе он отчитывается перед вождем как член ЦК РКП(б), а не как сотрудник Наркоминдела.

<sup>15</sup> Письмо № 4 Чичерину от 18 июня 1918 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 987. Л. 80–89. Иоффе начал свое послание словами: «Решил теперь нумеровать не только доклады, но и письма, ибо оказывается, что последние становятся довольно частыми». Перед отправкой он сделал еще одну ремарку, подразумевавшую, что личной переписки с наркомом у него нет и быть не может: «Надеюсь, что и такие письма даются на прочтение Владимиру Ильичу и другим».

<sup>16</sup> Следует отметить, что в авторизованном биографическом очерке для энциклопедического словаря «Гранат» Иоффе указывал, что в период между брестскими переговорами и работой полпредом он являлся «комиссаром иностранных дел» (см. репринт словаря: Деятели СССР и Октябрьской революции. М., 1989. С. 154).

телеграммами с требованием протеста, либо с доказательствами одного и того же пережеванного и совершенно неверно Вами представляемого вопроса... Повторяю, так работать невозможно; либо Вы должны свою “мельницу”, наконец, превратить в нормальное министерство, либо мне придется в своей работе совершенно не считаться с Вами, здесь все решать самому и в Россию посылать своих агентов на предмет исполнения моих предложений, которые Вы не исполняете»<sup>17</sup>.

Сделав выбор в пользу Иоффе (это произошло в начале апреля 1918 г.<sup>18</sup>), Ленин вряд ли мог подозревать, сколько хлопот в ближайшем будущем принесет ему несовпадение личных качеств наркома и полпреда. Первый являлся командным игроком, но не лидером, второй — комфортно чувствовал себя в роли одиночки, которому приходится единолично принимать судьбоносные решения. Первый был, скорее, флегматиком, второй — холериком. Первый предпочитал работать по ночам, второй терпеть не мог переговоров по прямому проводу до раннего утра. Это осталось в памяти даже 12-летнего ребенка — Надежда Иоффе вспоминала о берлинском периоде работы отца: «Очень осложняло его работу (не только в этот период, а вообще) отсутствие делового контакта с Чичериным. Как мне сейчас кажется, изначально причина была в несходстве характеров, в различном стиле работы. Отец был человеком очень организованным, может быть, даже педантичным. Он никогда не опаздывал, любил повторять, что, когда он приходит на заседание, назначенное в 6 часов, — часы бьют шесть. Чичерин же работал в основном по ночам, из-за этого и весь аппарат вынужден был работать по ночам. Он мог позвонить по прямому проводу в 5 часов утра, чтобы получить какую-нибудь справку, что вполне можно было сделать на несколько часов позже. Отца это очень раздражало. К тому же они очень часто расходились и в принципиальных вопросах. Отец был человеком очень независимых взглядов, проводил ту линию, которую считал правильной. Как тогда говорили, он “перенес Наркоминдел в Берлин”»<sup>19</sup>.

Цитируемый дочерью Иоффе бонмот, приписываемый Радеку, хотя и страдал полемическим задором, в известной мере отражал сложившееся на тот момент соотношение сил между наркомом и полпредом. Не без умысла он был упомянут Лениным в его первом письме, адресованном Иоффе в Берлин, к тому моменту противостояние двух центров принятия внешнеполитических решений уже ни для кого в руководстве РКП(б) не являлось секретом: «Слышу речи против того, что “Иоффе переносит Комиссариат иностранных дел в Берлин”. Трения между Вами и Чичериным иногда используются — более бессознательно, чем сознательно, — в смысле или в направлении обострения этих трений. Я уверен, что Вы будете начеку и обострять этих трений не дадите. Я следил внимательно за Вашими письмами и убежден непреклонно, что трения эти неважные (хаос везде, неаккуратность везде — во всех комиссариатах, и от этого зла лечение медленное). Терпение и настойчивость, и трения уладятся. Чичерин превосходный работник, Ваша линия вполне лояльно проводит Брестский договор, успех у Вас уже есть, по-моему, — а отсюда вытекает, что трения легко уладим»<sup>20</sup>.

Ленин явно приукрашивал ситуацию, сводя прорывавшиеся наружу личные «трения» лишь к несовершенству институтов новой власти и ведомственному бюрократизму. Сохранявшиеся в письме отеческие нотки, выражавшие поддержку усилий полпреда в установлении нормальных отношений с Германией и налаживании взаимовыгодного товарообмена, плохо сочетались с местом и временем, когда письмо было написано.

<sup>17</sup> Письмо в НКВД от 20 мая 1918 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 987. Л. 52–53.

<sup>18</sup> 5 апреля 1918 г. Ленин подписал постановление Совнаркома (протокол № 89, п.1) о назначении Иоффе полпредом в Берлин (Государственный архив РФ (далее — ГАРФ). Ф. Р—130. Оп. 23. Д. 10. Л. 152–155). 8 апреля Чичерин радиogramмой сообщил в Берлин о назначении на пост полпреда Адольфа Иоффе, «председателя мирной делегации в Бресте» (АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 15. Д. 60. Л. 3).

<sup>19</sup> *Иоффе Н.А.* Время назад. Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха. М., 1992. С. 20.

<sup>20</sup> Письмо А.А. Иоффе от 2 июня 1918 г. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. М., 1982. С. 87–88.

Ленин участвовал в совещании, в ходе которого члены советской делегации, направлявшейся в Берлин для участия в переговорах об имплементации Брестского мира, получили последние инструкции. Сам факт отправки такой делегации, причем состоявшей из функционеров, находившихся в партийной иерархии выше Иоффе, должен был вызвать недоумение и недовольство последнего. Предвидя такую реакцию полпреда и предупреждая ее, Ленин делал вид, будто данное назначение произошло без его прямого участия («пользуясь случаем, чтобы Вас несколько предупредить»). Кроме того, он давал членам делегации весьма нелестные характеристики, стиль которых через несколько лет повторит политическое завешание вождя: «Бухарин лоялен, но зарвался в “левоглупизм” до чертиков. Сокольников свихнулся опять. Ларин — мечущийся интеллигент, ляпала первосортный. Поэтому будьте начеку со всеми этими премилыми и препрекрасными делегатами»<sup>21</sup>.

Несмотря на все эти смягчающие обстоятельства, факт оставался фактом — обещанная Иоффе свобода рук в проведении германской политики ставилась под вопрос. Ситуация хрупкого равновесия, склонявшегося то в одну, то в другую сторону, вполне устраивала вождя, прошедшего суровую школу партийных интриг и эмигрантских склок. Знавшие его лично неоднократно отмечали, что Ленин сознательно сталкивал не только своих противников, но и соратников, чтобы выступить верховным арбитром в их «управляемых» конфликтах<sup>22</sup>.

Доклады Ю.М. Ларина и Г.Я. Сокольникова, в большом количестве отложившиеся в архивных фондах секретариатов Ленина и Чичерина, в свою очередь содержали крайне негативные оценки деятельности Иоффе, якобы сдававшего на каждом шагу национальные интересы страны и революции<sup>23</sup>. Дело дошло до перепалок между членами советской делегации в присутствии немецких партнеров по переговорам. В результате полпред попросту изолировал прибывших из Москвы оппонентов от участия в работе двусторонней политической комиссии. Дальнейшие переговоры он вел в одиночку, взяв в помощники только своего старого знакомого Л.Б. Красина, который ранее работал в фирме «Сименс» и сохранил добрые отношения с предпринимательской элитой Германии.

Такое обращение со стороны Иоффе, который ссылался на соответствующее распоряжение Ленина<sup>24</sup>, лишь усилило поток обид и жалоб, направляемых Лариным и Сокольниковым в Москву. В свою очередь Чичерин транслировал их содержание членам большевистского руководства, что провоцировало новые конфликты с Иоффе. В конце концов дело дошло до очередного ультиматума полпреда, в котором он дезавуировал своих оппонентов: «По поводу записки Ларина — Сокольникова считаю нужным указать, что оба они в переговорах и работе здесь почти никакого участия не принимали, с положением дел знакомы столько же, сколько и Вы можете быть знакомы на основании всех посылавшихся Вам докладов. Осведомленность их во всех здешних делах ничуть не больше Вашей, и поэтому сами можете судить о ценности их заявлений. Все время здешней работы никакой помощи от них не имел, и, наоборот, они беспрестанно вставляли палки в колеса... Категорически заявляю, что, если Вы согласитесь с мнением Сокольникова и Ларина о необходимости продолжать переговоры на определенной базе с нашей стороны, я этой обязанности на себя взять не смогу»<sup>25</sup>.

Еще до того, как переговоры в политической комиссии о заключении договора, конкретизирующего положения Брестского мира, подошли к своему завершению, между наркомом и полпредом разгорелся новый конфликт, касавшийся решения судьбы военнопленных. Германская сторона поставила достижение соглашения об обмене

<sup>21</sup> Там же. С. 88.

<sup>22</sup> См., например: *Валентинов Н.В.* Недорисованный портрет. Встречи с Лениным. М., 1993. С. 187–219.

<sup>23</sup> РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1132; АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 994.

<sup>24</sup> «Послу Иоффе уже были даны, и неоднократно, все полномочия вплоть до отсылки Ларина назад. Подтверждаю эти полномочия» // *Ленин В.И.* Указ. соч. С. 90.

<sup>25</sup> Телеграмма Ленину и Чичерину от 9 августа 1918 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 72. Д. 1016. Л. 98–100.

военнопленными в качестве условия нормализации всего спектра советско-германских отношений. Под давлением Ставки, требовавшей новых пополнений, в ночь на 23 июня Иоффе был вызван в МИД и ему был предъявлен ультиматум, отражавший мнение Верховного главнокомандования: всех военнопленных будут обменивать по принципу «один на один».

Полпред провел всю ночь в переговорах с немецкими дипломатами, и в итоге был найден компромисс: после завершения обмена по этому принципу германские власти будут по собственному усмотрению отправлять из страны русских военнопленных. Поскольку такое соглашение вызвало бы бурные протесты российской общественности, его было решено оформить как секретную ноту Германии, адресованную Москве. Впервые представители советской власти, провозгласившей в Декрете о мире отказ от любых форм тайной дипломатии, прибегли к ней. Такая практика, общепринятая в условиях войны, ранее клеймилась как «империалистическая» не только большевиками, но и значительной частью либерального общественного мнения Европы, левыми радикалами и пацифистами.

После того, как немецкая сторона по телеграфу получила одобрение военных властей, а Иоффе не смог добиться ответа из Москвы, он на свой страх и риск подписал короткий «протокол о взаимном обмене пригодными к службе военнопленными», датированный 24 июня 1918 г.<sup>26</sup> Чичерин почувствовал себя обойденным, увидев в этом шаге лишнее подтверждение того, что «Иоффе переносит Комиссариат иностранных дел в Берлин». Межведомственный и межличностный конфликт приобрел такой масштаб, что был вынесен на заседание Совнаркома, состоявшееся 1 июля 1918 г. В решении по этому поводу говорилось, что «Совет Народных Комиссаров принимает к сведению соглашение по обмену военнопленными, заключенное Иоффе (срок возврата) с Германией».

В то же время в решении специально обращалось внимание полпреда «на желательность и необходимость предварительных сношений с НКВД перед принятием каких-либо серьезных решений и в особенности перед заключением каких-либо соглашений с Германией»<sup>27</sup>. На копии выписки из протокола имеется примечание на машинке, очевидно, сделанное в оригинале Лениным: «Исполнение этого пункта прошу Вас, тов. Чичерин, взять на себя»<sup>28</sup>. Чтобы поставить все точки над «i», председатель Совнаркома в тот же день отправил послание Иоффе, выдержанное в нравоучительном тоне: «Сердит я на Вас, по правде сказать, до крайности. Людей мало, все перерабаталось до чертиков, а Вы устраиваете такую вещь: много делового пишете в личном письме ко мне (последнем, карандашом)<sup>29</sup> и вставляете ряд личных вылазок, выпадов, шпилек и проч. против Чичерина (ненастоящий министр и т.п.). Чичерину же пишете: “перспективы в письме к Ленину”. Это же ведь черт знает что такое! Конечно, Чичерин спрашивает у меня письмо, я показать не могу, не желая быть орудием склоки. Выходит порча делу и порча отношений»<sup>30</sup>.

В заключение своего письма Ленин дал позитивную характеристику наркому, как бы подчеркивая, что он всецело на его стороне («работать с Чичериным можно, легко работается, но испортить работу даже с ним можно»), а Иоффе попросту игнорирует его указания, без которых «послы не вправе делать решающих шагов». Интересно, что, еще не зная о ленинской нотации, Иоффе продолжал наращивать свое наступление на позиции наркома. Заодно досталось и Радеку, которого Иоффе еще не так давно лично рекомендовал на пост начальника отдела Центральной Европы в НКВД (тот поддержал Чичерина в вопросе о военнопленных). В порыве гнева полпред дошел до рискованных обобщений: «Меня очень удивляет, что в русском социалистическом правительстве хуже, чем в старом царистском, держится nepотизм и личные счеты ставятся выше политической необходимости. Нужно Вам лично взяться за чистку авгиевых конюшен, чтобы какой-нибудь

<sup>26</sup> Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 1. 1917–1918. М., 1968. С. 560–561.

<sup>27</sup> ГАРФ. Ф. Р–130. Оп. 2. Д. 2. Л. 92.

<sup>28</sup> Копия датирована 3 июля 1918 г. // Там же. Л. 50.

<sup>29</sup> Речь идет о письме от 24 июня 1918 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 16–26.

<sup>30</sup> Ленин В.И. Указ. соч. С. 111.

Радек не кричал на весь мир, что он не признает уже подписанного (пусть даже ошибочно) официального соглашения. Если так будет продолжаться и впредь, то я принужден буду отказаться от здешней работы, ибо она станет бесполезной»<sup>31</sup>.

Полный перечень явных и скрытых ультиматумов Иоффе о своей отставке и готовности «перейти на низовую партийную работу» будущие исследователи смогут составить, ознакомившись с публикацией всей переписки Иоффе с Москвой, которая готовится к изданию под эгидой Российско-германской комиссии историков<sup>32</sup>. За полгода пребывания его на берлинском посту таких заявлений можно насчитать не менее десятка. Чичерин неизменно отвечал на них в примирительном тоне, признавая чрезвычайные условия, в которых приходится работать Иоффе. Одновременно он требовал принять во внимание и свое собственное положение в иерархии большевистского руководства, не оставлявшее ему шансов для личной «передышки»: «У нас создались треугольные отношения: я за дипломатизирование, осторожность и смягчение углов, Троцкий за яркие выступления, Ленин любит бить в барабан, но сознательно ведет политику осторожности и перекидывается то туда, то сюда»<sup>33</sup>.

Таким же образом, «перекидываясь» между наркомом и полпредом, Ленин вспылал лишь однажды и закончил собственное письмо ультиматумом в адрес Иоффе, предвосхитив его очередную просьбу об отставке: «Не зная фактов и не вдумавшись в них, Вы впали с меморандумом и пр. в ошибку. Если хотите настаивать на ней, подавайте заявление в ЦК. До Вашего заявления в ЦК, до принятия Вашей отставки ЦК, до отправки Вам заместителя, до приезда его Вы, конечно, как член партии (что Вы и сами пишете) исполните свой долг»<sup>34</sup>.

Категоричный тон вождя вполне соответствовал масштабу разгоревшегося конфликта. В его основе лежало разное понимание политики «лабиринтов» между Антантой и Центральными державами в дни, когда перед Советской Россией стоял вопрос о жизни и смерти. Не имея полного представления о сложившейся в стране ситуации, Иоффе решил в очередной раз подвергнуть критике чичеринскую пассивность, заслужив внимание вождя. Но Ленин к тому моменту уже согласовал с Чичериным поворот советской внешней политики от заигрывания с державами Антанты к прощупыванию возможностей военного сотрудничества с Германией.

Это произошло в конце июля 1918 г., когда английские интервенты активизировали свои действия на Русском Севере, подконтрольный Антанте чехословацкий корпус добился важных успехов в Поволжье, а Добровольческая армия под командованием генерала Алексеева начала активно расширять зону своего влияния на Северном Кавказе. Внешнеполитический зондаж Наркоминдела вызвал сдержанную реакцию немецких дипломатов, работавших в Москве. Майор Карл фон Ботмер, представитель Верховного главнокомандования при германском посольстве, записал в своем дневнике: «Вопрос союза с Германией против Антанты... [здесь] взвешивается очень серьезно. Но пойти в этом вопросе до конца не решаются, поскольку боятся, что официальное объявление войны Англии и Франции не найдет поддержки у народа, к тому же не хотят предоставлять нам для операций территорию восточнее Чудского озера. Поэтому более желателен случайный характер совместных действий. Я считаю, что если такой союз не состоится, то мы должны это только приветствовать. В нашем положении было бы сложно отказаться от предложения о заключении такого союза. Принести существенную пользу он не может,

<sup>31</sup> Политический доклад от 3 июля 1918 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 988. Л. 20.

<sup>32</sup> См.: URL: <https://www.rossijsko-germanskaja-komissija-istorikov.ru/proekty/tekushchie-proekty/politicheskie-donesenija-posla-sovetskoj-rossii-adolfa-ioffe-iz-berlina-aprel-nojabr-1918-g> (дата обращения: 20.06.2022).

<sup>33</sup> Записка Чичерина Иоффе от 18 июля 1918 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 992. Л. 104.

<sup>34</sup> Ленин В.И. Указ. соч. С. 135.

но вполне способен еще более раздробить наши силы, утвердить нашу “славу” друзей большевизма»<sup>35</sup>.

Во исполнение принятого в Москве решения Иоффе должен был прозондировать почву в берлинских дипломатических кругах. Но он только что получил от немецкой стороны первый проект Добавочного договора к Брестскому миру, доработка которого требовала длительной и упорной борьбы, и просьба Москвы показалась ему крайне несвоевременной. Очевидно, к тому моменту немецкие партнеры щедро обеспечили полпреда утками, согласно которым «правительство максималистов», как называли в Берлине большевиков, оказалось у последней черты.

Находившийся вдалеке от Кремля, Иоффе не мог знать, что решение просить помощь у немцев было принято там не в силу очередного приступа паники у Чичерина<sup>36</sup>, а после тщательной проработки остающихся у советского правительства шансов на выживание. И полпред крайне не вовремя перешел во фронтальное наступление, чтобы отстоять свое видение внешнеполитической ситуации. В письме, отправленном с курьером 29 июля и снабженном ремаркой «конфиденциально (здесь и далее подчеркнуто в документе. — *А.В.*) с просьбой, чтобы не попало, куда не следует», он впервые обратился не ко всем членам большевистского руководства, а только к Ленину и Чичерину (они станут адресатами всех его последующих политических докладов). Фактически к первому из них была обращена жалоба на второго. Иоффе начал свое письмо с констатации очевидного факта: «Я стоял и стою на почве необходимости для нас лавирования между двумя враждебными империалистическими коалициями, не становясь на сторону ни одной из них и не порывая ни с той, ни с другой. Я глубоко убежден, что всякое приближение наше к одной из этих коалиций непременно ослабляет нас в отношении нее же, а разрыв с одной из сторон еще более ослабляет нас в отношении другой стороны. Я был уверен и не разочаровался в этом и до сих пор, что такое лавирование практически вполне осуществимо».

Реализация такой политики невозможна без сокрытия от противника реального положения вещей, писал Иоффе, «вся моя деятельность в Берлине сводилась и сводится к тому, чтобы убедить руководящие круги Германии в том, что мы достаточно сильны, чтобы для нее имело смысл вообще находиться с нами в сношениях, и что мы достаточно реалистичны, чтобы понять необходимость поддержки Германии сырьем и не только понять, но и осуществлять это; что, с другой стороны, германская политика, проводимая до сих пор, политика захвата силой того, что ей нужно, ни к чему не приводит».

Далее следовала весьма проницательная оценка целей Германии на востоке: «Они сводятся, как Вам известно, к тому, чтобы создать из всей России, хотя бы на период войны, громадный резервуар, из которого она могла бы черпать сырье, столь необходимое ей. Тактика, посредством которой осуществлялся на практике этот план, заключалась в том, чтобы, пользуясь нашими же лозунгами и классовой борьбой внутри России, отрывать от нее отдельные части, создавая “самостоятельные” республики, в которых Германия могла бы хозяйничать по-своему. Открытая война для этой цели не только не нужна, но и вредна, ибо разрушила бы иллюзию мира на востоке и испортила бы положение внутри Германии, а цель вполне осуществлялась и без этого при указанной выше тактике».

До сего дня, продолжал Иоффе, «руководящие круги Германии вовсе еще не уверовали в нашу силу и при неустойчивости их настроения в отношении нас всякая демонстрация нашей слабости страшно опасна. Германия вовсе не друг нам и ничего, конечно, даром для нас не сделает. Вы отлично знаете, что все, что можно от нее получить, необходимо вырывать клещами. До сих пор вся политика здесь и вся работа, как открытая, так и тайная, сводилась к тому, чтобы добиться от них передышки. Во имя этой передышки

<sup>35</sup> Запись от 1 августа 1918 г. // *Ботмер К. фон*. С графом Мирбахом в Москве. М., 2010. С. 215.

<sup>36</sup> После убийства германского посла Мирбаха 6 июля 1918 г. Иоффе неоднократно требовал от Чичерина «не впадать в панику», «не поддаваться паническим настроениям» и тому подобное. Ранее он писал нарком: «Ваша нервность сильно мешает моей здешней работе» (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 988. Л. 42).

делалась масса уступок. Уступалось все, что явно не могло быть нами удержано, но, с другой стороны, и у них создавалась вера, что если я чего-нибудь не уступаю, то, значит, не могу этого уступить».

И в этих условиях просьба советского правительства о военной помощи означала бы не что иное, как крах всех усилий доказать силу Советской России и ее экономический потенциал. Далее Иоффе переходил к упрекам: «Если теперь даже самым осторожным и ловким образом намекнуть немцам, как Вы того требуете, что мы ничего не имеем против их немедленной интервенции, то это сразу испортит всю трехмесячную работу здесь».

Впрочем, продолжал полпред, «мои услуги оказались уже ненужными, помощи-то Вы действительно запросили. Я утверждаю, что нужно отдавать себе отчет в том, что делаешь, и не поддаваться влиянию аффекта. Нужно ясно понимать, что невозможно требовать чего-нибудь от немцев и одновременно просить их помощи. Добиться чего-нибудь от них можно только в результате успеха нашей политики убеждения их в нашей силе и невозможности получить из России то, что им нужно, путем захвата, а не путем миролюбивого соглашения. А Вы в один и тот же вечер предлагаете просить помощи немцев и требуете, чтобы мы отстояли от них Донецкий бассейн и не уступали притязаниям финнов, т.е. тех же немцев, на часть Мурманского побережья и железную дорогу. Это абсолютно невозможно.

Помощь немцев нам означает непременно отдачу всей России на поток и разграбление немцам. Если Вы из страха перед Антантой хотите немецкими руками расправиться с этим врагом, то Вы должны знать заранее, что немец будет владеть Вами. Я считаю такую политику глубоко ошибочной. Я совершенно убежден, что добиться чего-нибудь можно только лавируя между этими двумя силами до тех пор, пока они не спелись, и ни в коем случае нельзя впускать немцев еще глубже в Россию. Если Вы полагаете, что я не прав, то так и скажите. Но не мешайте моей работе»<sup>37</sup>.

Аргументация Иоффе выглядела безупречной. Однако резкое обострение ситуации на фронтах гражданской войны привело к тому, что советский запрос о помощи последовал еще до того, как процитированное письмо Иоффе добралось до Москвы. 30 июля 1918 г. в беседе с Чичериным послы стран Антанты заявили, что в речи Ленина, произнесенной на заседании ВЦИК, говорилось, что Советская Россия находится в состоянии фактической войны с их странами. На следующий день Чичерин излагал Иоффе свою аргументацию в ходе переговоров с антантовскими представителями: «Я заявил им, что Ленин только констатировал несомненный факт, нами же упоминавшийся в нотах, что англо-французы ведут против нас военные действия, но что мы из этого вовсе не делаем того вывода, чтобы требовался дипломатический разрыв. Мы в особом положении как социалистическое рабоче-крестьянское правительство, и если небольшие группы ведут против нас военные операции, то мы через их головы обращаем взоры к тем народным массам, в которых мы усматриваем наших настоящих партнеров и контрагентов и отношения к которым определяют наше поведение»<sup>38</sup>.

Выведа ситуацию на грань разрыва с Антантой, большевистское руководство неизбежно должно было компенсировать этот разрыв сближением с Германией. Появление в Москве влиятельного германского политика Гельфериха, занявшего место убитого левыми эсерами 6 июля графа Мирбаха, создавало основу для более доверительных отношений, позволяло завязать новую интригу, найти новую «соломинку», за которую можно было ухватиться<sup>39</sup>. Вечером 1 августа, т.е. уже на следующий день после встречи с послами стран Антанты, Чичерин обратился к Гельфериху за военной помощью против

<sup>37</sup> Письмо Ленину и Чичерину от 28–29 июля 1918 г. // Там же. Л. 79–84.

<sup>38</sup> Там же. Ф. 82. Оп. 1. П. 15. Д. 60. Л. 80.

<sup>39</sup> О кратковременном пребывании Гельфериха на посту дипломатического представителя Германии в Советской России см. подробнее: *Ланник Л.В.* Миссия Гельфериха в Москве: забытая флуктуация советско-германских отношений летом 1918 г. // *Россия и современный мир.* 2020. № 4. С. 189–212.

английского десанта на севере и Добровольческой армии на юге России<sup>40</sup>. Через несколько лет нарком вспоминал об этом так: «После долгого совещания с Владимиром Ильичем я лично поехал к новому германскому послу Гельфериху, чтобы предложить ему условиться о совместных действиях против Алексева на юге и о возможности отправки германского отряда, по соглашению с нами, для нападения на антантовские войска у Белого моря. Дальнейшее развитие этого плана было прервано внезапным отъездом Гельфериха»<sup>41</sup>.

На самом деле причиной того, что такая перспектива была отставлена на второй план, являлся не только внезапный отъезд германского посла (последовавший лишь неделю спустя), но и отрицательное отношение к ней Иоффе, который продолжал настаивать на том, что равноудаленность от обеих воюющих коалиций должна оставаться краеугольным камнем политики «лабиринтов». На следующее утро после переговоров с Гельферихом курьер доставил в Москву письмо полпреда, датированное 28–29 июля и обильно процитированное выше. Отдавая себе отчет в том, что конфликт с Иоффе достиг наивысшей точки и он может помешать реализации «этого плана», Чичерин взял необычный для себя лично-доверительный тон, который был характерен скорее для ленинской переписки с непокорным полпредом: «Сколько у нас “несогласных”, в случае применения системы отставок наш лагерь давно бы опустел. А я-то? Сколько мне было навязано истерических скачков — с неотроцкизмом приходится идти об руку. Что касается смотра сквозь пальцы на известные Вам продвижения, в частности вопрос об Алексееве, Вы не сознаете степень нашей военной слабости (о чем нельзя было Вас информировать) и катастрофичность нашего военного положения. Немцы знают нашу слабость... Англия идет на нас. А наше военное положение ужасно. Деятели же революции не должны покидать ее»<sup>42</sup>.

Ответ Ленина Иоффе, датированный 3 августа, был не менее ярким и драматичным, чем записка Чичерина. Он лишний раз свидетельствовал о чрезвычайности ситуации и экзальтированных настроениях в большевистском руководстве, которое переживало один из самых серьезных кризисов с момента своего нахождения у власти. В ответ на возражения полпреда из-за курса на конфронтацию с державами Антанты Ленин буквально взорвался: «Все, что Вы пишете в последних письмах, несуразно до сверхъестественности. Проводить “прежнюю” политику неразрыва с Антантой после Онеги — смешно. Нельзя же даму с ребенком сделать опять невинной. Смешно и называть интервенцией или помощью — то, что мы продолжаем как раз лабиринты, предоставляя немцам взять уже взятое Антантой, и тем затрудняя и оттягивая англо-американо-японское удушение России»<sup>43</sup>.

Иоффе, несомненно, догадывался, что Ленин и Чичерин не дают ему полной информации о катастрофическом положении дел на фронтах гражданской войны и о своих замыслах, связанных с использованием военного потенциала Германии. Это было невозможно не только потому, что телеграфная связь прослушивалась немецкой стороной, но и из-за масштабов «большой игры», в которой полпред являлся отнюдь не главной фигурой. Придя вечером 3 августа в германский МИД с очередной порцией поручений Москвы, которые должны были продемонстрировать твердость советской позиции, он столкнулся с тем, что в ответ ему показали очередное обращение Чичерина о военной помощи, пересланное послом Гельферихом<sup>44</sup>.

<sup>40</sup> Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966. S. 106.

<sup>41</sup> Чичерин Г.В. Ленинская внешняя политика // Мировая политика в 1924 г.: сб. статей / под ред. Ф. Ротштейна. М., 1925. С. 5.

<sup>42</sup> Письмо Чичерина Иоффе от 2 августа 1918 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 993. Л. 7–8.

<sup>43</sup> Ленин В.И. Указ. соч. С. 134–135. Город Онега был захвачен английскими интервентами 31 июля 1918 г.

<sup>44</sup> «Вчерашний разговор в министерстве был очень затруднен, ибо на все мои возражения мне отвечали: как раз в данный момент идет передача ленты Гельфериха, которая начинается сообщением о его разговоре с Чичериным, в котором последний просил помощи против Алексева» (Телеграмма Чичерину от 4 августа 1918 г. // АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 10. Д. 45. Л. 40).

Той же ночью Чичерин телеграфом сообщил Иоффе о содержании своих последних бесед с германским послом. В их ходе нарком подчеркнул, что в рамках Брестского договора Германия должна взять на себя обязательство «уничтожения Краснова и Алексеева. Я подчеркивал, что речь идет не о соглашении против Алексеева, но о параллельных действиях, независимых друг от друга, причем сами же немцы хотят и должны вести борьбу против антантовской армии в лице Алексеева, угрожающей в конечном счете Германии»<sup>45</sup>.

В основе такой позиции лежало несогласие Москвы с германским проектом Добавочного договора, который мог быть интерпретирован как предложение военного союза. Это категорически не устраивало большевиков, ибо перечеркивало политику «лабиринтов» и связывало им руки, превращая в союзников Германии, поражение которой уже мало у кого вызывало серьезные сомнения. Чичерин писал: «Военное соглашение между нами и Германией невозможно. Это мы всегда заявляли, это я заявил теперь Гельфериху, и он это вполне понимает... Компрометировать нас могут желать только те, кто стремится к нашему устранению, в нынешней конъюнктуре имеется временное и случайное совпадение интересов в определенной области и до известного предела между нами и Германией, но не больше. Возможны поэтому только параллельные действия их и наши независимо друг от друга, поэтому может идти речь отнюдь не о военном соглашении, а только о пассивном отношении с нашей стороны к некоторым действиям до известного предела. Движение их через Петроград находилось бы за таким пределом»<sup>46</sup>.

Иоффе понимал, что из-за военной слабости Советской России реализовать такой подход на практике невозможно: «Все предложения вчерашней Вашей телеграммы, излагающей основы нашего контрпроекта, было бы очень трудно провести при самых лучших условиях»<sup>47</sup>. Условия же первых августовских дней можно назвать самыми худшими для Советской России — ее войска отступали на всех фронтах, о «последних днях большевиков» доносили в Берлин дипломаты, работавшие в Москве<sup>48</sup>.

Полпред, который и в момент захвата власти большевиками в октябре 1917 г., и в период брестских переговоров сохранял хладнокровие, «оставался наиболее сдержанным, не выходил из себя, не терялся в хаосе», позволил себе сбросить «дипломатический мундир», который, по словам Троцкого, так тяготил его всю оставшуюся жизнь»<sup>49</sup>. Третий политический доклад Иоффе, адресованный только Ленину и Чичерину, свидетельствовал о его эмоциональном выгорании, о полном трагизма ощущении бесполезности своих усилий: «По существу же положения здесь, должен открыто Вам сказать, за последние десять-пятнадцать дней я чувствую, как у меня ускользает почва из-под ног и как идет прахом все то, чего я с таким трудом добивался и добился в течение трех месяцев. Я не знаю, каково внутреннее положение России, вы никогда достаточно не информировали меня. Я не знаю также, каково международное положение России, Вы и об этом упорно молчали. Но зато я твердо знаю, что если Вы действительно бесповоротно порвали с Антантой и действительно находитесь на положении фактической войны с Англией и если все это приведет к преждевременному падению большевизма, то в этом повинна Ваша неразумная политика в отношении Антанты, благодаря которой Вы, безусловно, без достаточных оснований сами довели дело до разрыва».

<sup>45</sup> Там же. Ф. 082. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 9.

<sup>46</sup> Телеграмма Чичерина Иоффе от 3 августа 1918 г. // Там же. Л. 77а. Чичерин имеет в виду, что предложенное в проекте тайной ноты разрешение на проход германских войск через Петроград для борьбы с англичанами на Мурмане неприемлемо для советского правительства.

<sup>47</sup> Телеграмма Чичерину от 4 августа 1918 г. // Там же. Ф. 82. Оп. 1. П. 10. Д. 45. Л. 40.

<sup>48</sup> Гельферих сообщал в МИД 3 августа 1918 г., что обстановка в Москве требует немедленного отказа от сотрудничества с большевиками: «Берлинские договоры мы собираемся заключать с полным банкротом» (РААА. RZ 201/2009/56–58).

<sup>49</sup> Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 328, 331. Среди прочего Троцкий отмечал, имея в виду Иоффе: «Революция справилась с его нервами лучше, чем психоанализ» (Там же. С. 328–329).

По мнению Иоффе, не лучше выглядела и германская политика советского правительства, которое затягивало подписание Добавочного договора, выдвигая все новые и новые условия, не подкрепленные ни военно-политическими ресурсами, ни перспективой экономического сотрудничества. «Немцы ничего более не желают, как покоя на востоке. После трех месяцев работы их удалось убедить в том, что этот покой, как и сырье, они получают только, если согласятся с большевиками и не будут под них подкапываться. Антанта желает вовлечь их в новую войну на востоке, они боятся этого и требуют нашего противодействия против антантистских интриг. Вы заявляете им, [что] мы не можем сами справиться, наши враги — ваши враги, мы даем им разрешение бить их. И Вы воображаете почему-то, что они должны прийти в восторг, и закрываете глаза на то, что втягиваете их в новую восточную войну, т.е. делаете то же самое, чего хочет Антанта и чего не хотят немцы. Ясно, что если они будут втянуты в войну на востоке, то не во имя помощи нам, но во имя опасности, которую для них представляет новый Восточный фронт, и ясно поэтому, что даром они этого не сделают».

Завершающие строки письма Иоффе выглядели одновременно и как панегирик самому себе, и как ультиматум, обращенный к своим ближайшим соратникам. «Трехмесячная работа здесь постольку увенчалась успехом, поскольку удалось убедить немцев, что большевизм и есть именно та власть, которая сохраняет в России мир и дает немцам то, что им нужно. Но вместе с тем сила большевизма, в отличие от прежней Рады или нынешнего Скоропадского, заключалась в том, что большевизм не становился рабом Германии и имел возможность выбора и право угрозы.

Теперь Вы порвали с Антантой, выбора значит нет, а угроза есть только для нас. И если вместе с этим разрушается у немцев впечатление, что именно большевизм есть та власть, которая нужна, то я скажу Вам прямо — я выхода из этого положения не вижу»<sup>50</sup>.

Это письмо было доставлено в Москву только 9 августа. Ответ Чичерина, последовавший немедленно, был нетипичным для его стиля — решительным и хладнокровным. Нарком признал, что ранее неоднократно предпринимал попытки удерживать Ленина от разрыва с Антантой, однако в последние две недели ситуация коренным образом изменилась: «В настоящее время нельзя не признать, что английская олигархия твердо решилась использовать момент для нашего свержения возможно дешевым способом, и что никакие попытки идти навстречу Англии не изменят ее курса». Скрыть кризис Советской России невозможно, «немцы это отлично понимают, наша слабость им целиком известна, пытаться бросать им пыль в глаза совершенно безнадежно. Они считают наше положение плохим не потому, что мы обращались по поводу Алексея, а потому, что наше положение действительно плохо».

Отвечая на упрек полпреда, что его держат в неведении относительно реального положения дел в стране, Чичерин продолжал: «Совершенно иллюзорно полагать, что какая бы то ни было информация может для Вас заменить пребывание здесь... Полная осведомленность о нашем внутреннем положении ни при каких условиях невозможна за границей. Однако общая физиономия нашего политического положения быстро до Вас доходит»<sup>51</sup>.

Технические проблемы со связью, отсутствие надежных шифров привели к тому, что в ходе июльско-августовского конфликта, продолжавшегося около двух недель, Чичерин и Иоффе смогли лишь дважды обменяться содержательными письмами. То, что обмен телеграммами по прямому проводу в полном объеме перехватывался немцами, советским дипломатам было прекрасно известно<sup>52</sup>, доверять «прямому проводу» информацию такого рода было крайне опасно. Задержки с доставкой курьерами писем в данном случае

<sup>50</sup> Политический доклад № 3 Ленину и Чичерину от 5 августа 1918 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 988. Л. 101–103.

<sup>51</sup> Там же. Д. 993. Л. 12.

<sup>52</sup> «Я знал, что все наши беседы с центром были известны немцам, и конечно это очень затрудняло нашу задачу при переговорах», — вспоминал первый секретарь полпредства (Соломон Г.А. Указ.соч. С. 75).

пошли на пользу делу — очередное столкновение мнений наркома и полпреда приобрело самозатухающий характер, было снесено лавиной последующих событий.

Неизвестно, прочитал ли Иоффе обращенное к нему письмо Чичерина от 9 августа. В те дни им овладела иная идея — ввиду того, что в Москву возвращались Ларин и Сокольников, он стал решительно требовать разрешения на приезд вместе с ними, чтобы лично изложить свое мнение и получить вотум доверия от вождя. Ленин вяло сопротивлялся («Если Иоффе будет повторять идиотские речи о том, что мы порвали с Антантой, я его и слушать не буду... Я не вижу и тени мотива для его поездки в Москву»<sup>53</sup>), но в конце концов согласился. Поздним вечером 11 августа 1918 г. Иоффе отбыл из Берлина на родину.

Два дня, проведенные в столице Советской России, позволили ему не только ознакомиться с ее актуальной «политической физиономией», но и представить большевистскому руководству парафированный проект Добавочного договора. Этот документ, подписанный 27 августа 1918 г.<sup>54</sup>, являлся результатом интенсивного переговорного процесса, продолжавшегося в Берлине более двух месяцев. Благодаря несомненному дипломатическому искусству Иоффе был достигнут компромисс, устроивший обе стороны: основной текст договора содержал рамочные конструкции, регулировавшие советско-германские отношения в целом, в то время как конкретные договоренности о военном взаимодействии двух стран были изложены в тайных нотах, которыми стороны обменялись в тот же день<sup>55</sup>.

Механизм урегулирования летних конфликтов наркома и полпреда станет типичным и для последующих стычек, которых будет еще немало вплоть до высылки советского полпреда из Берлина в начале ноября 1918 г. Их начальной точкой было несовпадение взглядов на решение той или иной проблемы, партнеры не слышали и не принимали аргументы друг друга, затем следовал взаимный обмен уколами, приобретающий все более личный характер, поминание прошлых ошибок и неосторожных высказываний. Конфликт развивался по нарастающей и в большинстве случаев разрешался благодаря личному вмешательству Ленина. Тот, беря под свое покровительство Чичерина, не отличавшегося административной хваткой, в то же время щадил чувства крайне амбициозного и легкоранимого Иоффе, понимая, что лучшего человека для работы в Берлине ему не найти.

За каждым ленинским арбитражем следовало смягчение тональности переписки между Чичериным и Иоффе, отзыв ултиматумов, обещание наладить «дружную работу». По сути же не изменялось ничего. Полпред настаивал на том, что право на прямое обращение к Ленину он получил при своем отъезде в Берлин и, кроме того, в его работе есть особо деликатные стороны, такие как поддержка немецких левых социалистов или переговоры о военно-политическом сотрудничестве с Германией.

Чичерин продолжал выстраивать иерархию власти и подчинения в своем наркомате и отнюдь не выступал в служебных столкновениях исключительно страдательной стороной. Он постоянно жаловался, что Иоффе игнорирует его указания и директивы, отказывается сотрудничать с членами министерской коллегии, не доводит до него информацию первостепенной важности. Так, полпред не счел нужным отправить в Наркоминдел отчет о беседе Красина с генералом Людендорфом, состоявшейся на Западном фронте в обстановке глубокой секретности<sup>56</sup>. Доставалось Иоффе и за то, что он проявлял гер-

<sup>53</sup> Запись разговора по прямому проводу В.И. Ленина и Г.В. Чичерина с Л.Б. Красиным 11 августа 1918 г. // *Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2000. С. 244.*

<sup>54</sup> Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957. С. 437–445.

<sup>55</sup> См.: *Ватлин А.Ю., Ланник Л.В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.*

<sup>56</sup> Подробный отчет об этой сенсационной встрече был направлен в рукописи только Ленину, откуда так и не попал в Наркоминдел, затерявшись в совнаркомовском секретариате. См. подробнее: *Ватлин А.Ю. «В прочность положения большевиков я не очень-то верю» // Воронцово поле. 2020. № 4. С. 32–37.*

манофильские настроения<sup>57</sup>, принимая на веру информацию берлинских властей о внутриполитическом положении Советской России, заступался за арестованных там сановных вельмож, включая членов царской семьи, и даже высказывался против перегибов и крайностей «красного террора».

С научной точки зрения было бы непродуктивно видеть в череде конфликтов наркома и полпреда лишь личную составляющую и отсутствие административного опыта. Чрезвычайная ситуация, в которой находилась Советская Россия летом 1918 г., порождала необходимость предпринимать шаги, выходявшие за рамки дипломатических норм и обычаев, заставляла (в условиях отсутствия надежной связи) принимать ответственность за решения, принятые на свой страх и риск. И здесь различие характеров наших героев становилось более весомым фактором, чем формализованная ведомственная субординация.

### Библиография

- Ботмер К. фон.* С графом Мирбахом в Москве. М., 2010.
- Ватлин А. Ю.* «В прочность положения большевиков я не очень-то верю» // *Воронцово поле*. 2020. № 4. С. 32–37.
- Ватлин А. Ю., Ланник Л. В.* Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // *Новая и новейшая история*. 2021. № 5. С. 208–230.
- Иоффе Н. А.* Время назад. Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха. М., 1992.
- Ланник Л. В.* Миссия Гельфериха в Москве: забытая флуктуация советско-германских отношений летом 1918 г. // *Россия и современный мир*. 2020. № 4. С. 189–212.
- Ленин В. И.* Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2000.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 50. М., 1982.
- Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 1. 1917–1918. М., 1968.
- Соломон Г. А.* Среди красных вождей. Лично увиденное и пережитое на советской службе. М., 2015.
- Томас Л. Я.* Жизнь Г. В. Чичерина. М., 2010.
- Троцкий Л. Д.* Портреты революционеров. М., 1991.
- Чичерин Г. В.* Ленинская внешняя политика // *Мировая политика в 1924 г.: сб. статей / под ред. Ф. Ротштейна*. М., 1925.
- Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966.
- Gutjahr W.-D.* Revolution muss sein: Karl Radek – die Biographie. Köln; Weimar; Wien, 2012.

### References

- Botmer K. fon.* S graфом Mirbakhom v Moskve [With Count Mirbach in Moscow]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Chicherin G. V.* Leninskaya vneshnyaya politika [Lenin's foreign policy] // *Mirovaya politika v 1924 g.* [World Politics in 1924]: sb. Statej / pod red. F. Rotshtejna. Moskva, 1925. (In Russ.)
- Ioffe N. A.* Vremya nazad. Moya zhizn', moya sud'ba, moya ehpokha [Time ago. My life, my destiny, my epoch]. Moskva, 1992. (In Russ.)
- Lannik L. V.* Missiya Gel'ferikha v Moskve: zabytaya fluktuatsiya sovetsko-germanskikh otnoshenij letom 1918 g. [Gelferich's mission in Moscow: the forgotten fluctuation of Soviet-German relations in the summer of 1918] // *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world]. 2020. № 4. S. 189–212. (In Russ.)
- Lenin V. I.* Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. T. 50. Moskva, 1982. (In Russ.)
- Lenin V. I.* Neizvestnye dokumenty. 1891–1922 [Unknown documents. 1891–1922]. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Solomon G. A.* Sredi krasnykh vozhdej. Lichnou vidennoe i perezhitoe na sovetskoj sluzhbe [Among the Red Leaders. Personally seen and experienced in the Soviet service]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора [Soviet-German relations from negotiations in Brest-Litovsk before the signing of the Rapallo Treaty]. Т. 1. 1917–1918. Moskva, 1968. (In Russ.)
- Tomas L. Ya.* Zhizn' G. V. Chicherina [The Life of G. V. Chicherin]. Moskva, 2010. (In Russ.)

<sup>57</sup> 28 мая 1918 г., на пике кризиса с кораблями Черноморского флота, покинувшими Севастополь, Чичерин бросил Иоффе серьезное обвинение: «Вы... очень горячо защищаете интересы германского дипломатического ведомства» (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 992. Л. 34).

*Trotsky L.D.* Portrety revolyutsionerov [Portraits of Revolutionaries]. Moskva, 1991. (In Russ.)

*Vatlin A.Iu.* “V prochnost’ polozheniia bol’shevikov ia ne ochen’-to veriu” [“I don’t really believe in the strength of the Bolsheviks’ position”] // Vorontsovo pole [Vorontsovo Field]. 2020. № 4. S. 32–37. (In Russ.)

*Vatlin A.Yu., Lannik L.V.* Tajnyenoty k Dobavochnomu dogovoru 27 avgusta 1918 g.: neizvestnyj syuzhet iz istorii sovetsko-germanskikh otnoshenij na iskhode Pervoj mirovoj vojny [Secret notes to the Supplementary Agreement of August 27, 1918: an unknown plot from the history of Soviet-German relations at the end of the First World War] // Novaya i novejsaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 208–230. (In Russ.)

*Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966.

*Gutjahr W.-D.* Revolution muss sein: Karl Radek — die Biographie. Köln; Weimar; Wien, 2012.